

Эпистемологии, аналитический метод и социальная теория Малатесты

Филипе Корреа

8 апреля 2014

Оглавление

Введение	3
Разграничение между категориями науки и доктрины/идеологии	5
Наука и доктрина/идеология	10
Наука в Обществе	11
Наука в целом и социальные науки в частности	15
Теоретико-Методологические подходы для социального анализа	16
Фундаментальные категории и понятия	28
Вклад Малатесты	29

Аннотация: В данной статье представлен вклад анархиста Эррико Малатесты (1853–1932) в область эпистемологии¹, методов анализа и социальных теорий. После биографического введения текст переходит к трем фундаментальным темам: разграничение между категориями науки и доктрины/идеологии, наука в обществе, теоретико-методологические подходы для социального анализа. Касательно первой темы Малатеста предлагает разграничивать категории науки и доктрины/идеологии с целью усиления как анализа общества, так и вмешательства в него, совмещая теорию и практику. Что касается второй темы, автор вносит вклад в разграничение естественных и социальных наук, а также предлагает определённую позицию, которой следует придерживаться при познании социальной реальности: приоритет открытости к методам и теориям и признание того, что знание, возникающее в этой области, всегда частично и фрагментарно. Применительно к третьей теме Малатеста отстаивает важные идеи, среди которых находятся: критика эволюционизма, фатализма и детерминизма; критика подходов, опирающихся на метафизические и теологические основания; понимание обобществления (социализации) как процесса взаимозависимых отношений между индивидом и обществом; попытка совместить анализы, охватывающие три социальные сферы, с точки зрения взаимозависимости, предлагая отказ от дихотомии материализм-идеализм и совмещая социальную структуру и человеческое действие; характеристика общества как динамического результата конфликтов между социальными силами, указывающая на многопричинное понимание социальных явлений; характеристика современного общества как системы господства в трех сферах, где социальные классы являются одной из его центральных черт, которые также определяются в соответствии с понятием взаимозависимости сфер.

Ключевые слова: Эррико Малатеста. Анархизм. Эпистемология. Аналитический метод. Социальная теория.

Введение

Эррико Малатеста (1853–1932) был видным итальянским анархистом, который повлиял, как в теории, так и на практике, на развитие анархизма во многих странах; он вел активистскую деятельность в различных местах Европы, Америки и Африки. Сын купеческой семьи с некоторым достатком, он учился в Лицее Санта-Мария-Капуа-Ветере, месте своего рождения, поступив впоследствии на медицинский факультет Неаполитанского университета. Неприятности, отчасти политического характера, заставили его оставить учебу, и с тех пор он жил на случайные заработки, среди которых были ремесла механика и электрика. Еще будучи молодым, он какое-то время верил в республиканизм Джузеппе Мадзини, но вскоре оставил его, обратившись в анархизм между 1871 и 1872 годами – процесс, в котором Михаил Бакунин сыграл решающую роль, – доктрину, которую он защищал до самой смерти в Риме. Из почти 80 лет жизни более 60 из них Малатеста был анархистом. Поэтому он застал значительную часть истории этой идеологии в различных местах, приливы и отливы

¹ Раздел философии, изучающей природу знания, его возможности, границы и условия достоверности.

народных движений и самого анархизма, а также различные доминирующие идеи и практики, пронизывавшие анархизм в этот период. Он создавал анархистские организации, массовые движения, восстания и инициативы, включавшие письменную и устную пропаганду, и участвовал в них. Будучи арестованным несколько раз, он провел практически 10 лет своей жизни в тюрьмах².

Любое теоретическое и/или историческое исследование трудов Малатесты должно проводиться осторожно, без вынесения окончательных выводов. Это связано с тем, что его полное собрание сочинений все еще недоступно для публики; тексты, к которым есть доступ, составляют лишь часть его наследия. Если даже на итальянском языке полное собрание сочинений недоступно³, то на других языках доступ весьма ограничен. Другим важным фактором является то, что Малатеста никогда не был и не стремился быть великим теоретиком. Его труды выполняли, главным образом, функцию анархистской пропаганды; газетные статьи и материалы для популяризации/распространения анархистских идей составляют большую часть его наследия.

Тем не менее, более подробный анализ доступных трудов Малатесты показывает, что он, даже не обладая эрудицией Бакунина или Петра Кропоткина, внес важный вклад не только в то, что касается анархизма и его стратегий⁴, но также и в область философии и социальных наук, в особенности его размышления об эпистемологии, методе анализа и социальной теории.

Его ученик, Луиджи Фаббри, утверждал, что Малатеста:

«посвящал много своего времени тому, чтобы следить за интеллектуальными течениями, не только тех людей, которые разделяли анархистскую идеологию и практику в разных странах, но также и за развитием современной философской и научной мысли, которой он уделял внимание и большой интерес»⁵.

Возможно, именно потому, что он знал о философских и научных дебатах своего времени, не был напрямую связан с академическими дискуссиями и часто теоретизировал на основе собственных наблюдений, Малатеста разработал относительно новаторские идеи. С философской и научной точки зрения Малатесту можно считать человеком XX века, в некоторой степени «опередившим свое время», отличающимся,

² FABBRI, Luigi. "Life of Malatesta". In: *Libcom*, 2010. [<http://libcom.org/library/life-malatesta-luigi-fabbri>]; NETTLAU, Max. "Introdução". In: MALATESTA, Errico. *Escritos Revolucionários*. São Paulo: Hedra, 2008; Ero же, Errico *Malatesta: la vida de un anarquista*. Rosário: Pensamiento y Voluntad, 2012; RICHARDS, Vernon. "Notas para una biografía". In: *Malatesta: pensamiento y acción revolucionarios*. Buenos Aires: Anarres, 2007.

³ В процессе находится координируемый Давиде Туркато проект публикации полного собрания сочинений Малатесты на итальянском языке. Из десяти запланированных томов доступны только первые. См. http://www.zeroindotta.org/em_operecomplete.html.

⁴ Для краткого изложения вклада Малатесты в анархизм и его стратегии см. CORRÊA, Felipe. "A Estratégia de Transformação Social em Malatesta". In: *Anarkismo.net*, 2009. [<http://www.anarkismo.net/article/14723>] («Малатестовская стратегия социальных преобразований»); Ero же, "Errico Malatesta: teoria e estratégia anarquista" (vídeo). In: ITHA, 2013a. [<http://ithanarquista.wordpress.com/2013/08/05/errico-malatesta-teoria-estrategia-anarquista/>].

⁵ FABBRI, Luigi, указ. соч.

например, от Кропоткина, который был всего на 10 лет старше и чьи труды в этих областях в значительной степени связаны с идеями, гораздо более распространенными в XIX веке.

Настоящая статья имеет целью, на основе ограниченного доступного наследия автора и принимая во внимание связанные с ним сложности⁶, подготовить тщательный анализ его вклада в эпистемологическую и теоретико-методологическую область. Речь идет о попытке углубить систематизацию трудов Малатесты в этом направлении, дополняя предыдущую статью⁷. Цель не в том, чтобы углубленно разбирать взгляды Малатесты на анархизм и его стратегии, а в том, чтобы рассмотреть вопросы, позволяющие понять, как он понимал соотношение между анархизмом и наукой, саму науку и то, какие инструменты лучше всего подходят для социальных исследований. Для этого дискуссия представлена в трех крупных осях: разграничение между категориями науки и доктрины/идеологии, наука в обществе и теоретико-методологические подходы для социального анализа.

Этот вклад Малатесты кажется актуальным не только в прошлом – как сравнительный исторический инструмент с другими авторами его времени, – но и в настоящем. Его взгляды и сегодня, кажется, дают возможность лучше понять политические идеологии и доктрины, науку как таковую и современное общество.

Разграничение между категориями науки и доктрины/идеологии

Для разграничения рассматриваемых ныне категорий отправной точкой Малатесты является понятие «научного социализма/анархизма», которое, возникнув в XIX веке, продвинулось в XX век как в отношении марксизма⁸, так и анархизма⁹.

⁶ Работы по популяризации идей автора, такие как Richards. ((org.) *Malatesta: pensamiento y acción revolucionarios*. Buenos Aires: Anarres, 2007) и Malatesta (*Ideologia Anarquista*. Montevideo: Recortes, 2008) — которые смешивают различные тексты, написанные в разные исторические моменты, представляя их по темам, — если, с одной стороны, позволяют получить тематическое понимание его идей, то, с другой стороны, усложняют более подробный исторический анализ, охватывающий контекст. Другим аспектом, который следует подчеркнуть, являются проблемы логического порядка, которые пронизывают часть наследия автора, в особенности в том, что касается его теоретико-методологических размышлений о взаимосвязи между экономической, политической/юридической/военной и культурной/идеологической сферами и о власти.

⁷ CORRÊA, Felipe. “A Distinção entre as Categorias Ciência e Doutrina/Ideologia na Obra de Errico Malatesta” («Разграничение между категориями Науки и Доктрины/Идеологии в работах Эррико Малатесты»). In: ITNA, 2013. [<http://ithanarquista.wordpress.com/2013/11/22/felipe-correa-distincao-entre-as-categorias/>] – здесь рассматривается разграничение между категориями науки и доктрины/идеологии в трудах Малатесты и включена в настоящий текст.

⁸ Фридрих Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке» 1880 года (третья глава), считающейся Карлом Марксом (1880) «введением в научный социализм», утверждает: «Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и саму природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения».

⁹ Петр Кропоткин в «Современная наука и Анархия» так концептуализирует то, что было названо «научным анархизмом»: «Анархия есть мирозерцание, основанное на механическом понимании явлений,

Хотя марксистская концепция «научного социализма» и кропоткинское понятие «научного анархизма» существенно различаются и опираются на разные теоретико-методологические основания, их объединяет одно: и то и другое пытается придать социализму как политико-идеологической доктрине – пусть в разных её течениях – научный характер.

В то время как марксизм, в значительной степени со времен Маркса и Энгельса, настаивал на сохранении этой связи между социализмом и наукой, эпистемологические, методологические и теоретические дебаты в анархизме, принимая во внимание работы до и после Кропоткина, значительно варьировались¹⁰. Факт заключается в том, что, поскольку Кропоткин, без сомнения, был самым читаемым классиком среди анархистов XX века, его идеи, среди которых находится и вышеупомянутая, сильно повлияли на анархистов. Именно с Кропоткиным и продолжателями этих идей, а также с марксистами, Малатеста вел дебаты, стремясь продемонстрировать, что эта связь между социализмом и наукой ошибочна. По его словам:

«Сциентизм (я не говорю – наука), преобладавший во второй половине девятнадцатого века, породил ту склонность рассматривать как научные истины, то есть естественные законы, а следовательно, необходимые и фатальные, то, что было лишь понятием, соответствовавшим различным интересам и стремлениям, которые каждый составлял себе о справедливости, прогрессе и так далее, – откуда родились «научный социализм» и также «научный анархизм», которые, хотя и исповедовались нашими лучшими людьми, мне всегда казались вычурными концепциями, смешивающими воедино вещи и понятия, по природе своей различные»¹¹.

По мнению Малатесты, эта связь, лежащая в основе понятий «научного социализма» и «научного анархизма», есть не что иное, как смешение категорий, которые в реальности различны и не могут трактоваться как единое целое. В во многих случаях, аргументирует Малатеста, понятие науки, слитое с социализмом/анархизмом, представляло бы из себя лишь «видимость научности, которую некоторые любят придавать своим желаниям и своей воле»¹²; Употребление прилагательного «научный» в большинстве случаев служило бы лишь одной цели – попытке самооправдания, самолегитимации.

Исходя из этой критики, автор отстаивает необходимость определения и разграничения двух фундаментальных категорий, которые, хотя и взаимосвязаны, не могут быть сведены к одной: науки и доктрины/идеологии.

«Наука есть собрание и систематизация того, что известно, или что считается известным: она говорит о фактах и пытается открыть закон факта,

охватывающее всю природу, включая сюда и жизнь человеческих обществ. Ее метод исследования – метод естественных наук» (VIII. Положение учения об Анархии в современной науке).

¹⁰ Более глубокий анализ, где представлены и рассмотрены разные позиции анархистов по вопросам эпистемологии, методов анализа и социальной теории см.: CORRÊA, Felipe. *Rediscutindo o Anarquismo: uma abordagem teórica*. São Paulo: USP (dissertação de mestrado), 2012, pp. 83-92. («Переосмысления Анархизм: теоретический подход»)

¹¹ Эррико Малатеста, «Социальный Республиканизм и Анархизм».

¹² Там же.

то есть условия, при которых факт необходимо происходит и повторяется. [...] Анархия же есть человеческое стремление, которое не основано ни на какой действительной или предполагаемой естественной необходимости и которое может осуществиться или не осуществиться в зависимости от человеческой воли. Она пользуется средствами, которые наука предоставляет человеку в борьбе против природы и против противоборствующих волей; она может пользоваться достижениями философской мысли, когда они служат тому, чтобы научить людей лучше рассуждать и лучше отличать реальное от фантастического; но она не может быть смешана, без впадения в абсурд, ни с наукой, ни с какой-либо философской системой»¹³.

Исходя из этих отрывков, можно утверждать, что в концепции Малатесты наука и анархизм – это разные вещи.

Малатестовская концепция науки подразумевает представление о том, что ее объект находится в прошлом и в настоящем; в том, что было и/или что есть. Она берет за основу явления, включающие естественную и социальную жизнь, с теоретической и/или исторической, структурной и/или ситуативной точки зрения, и устанавливает рамки для объяснения этих явлений. Способность к обобщению, то есть к объяснению явления или совокупности явлений, составляет один из ее центральных аспектов. Наука никогда не имеет своим объектом будущее; она может, максимум, делать предсказания о том, что, на основе анализа того, что было и что есть, обязательно будет – как следствие этой интерпретации прошлого и настоящего.

Когда он размышляет об анархизме, Малатеста в действительности рассматривает элемент, содержащийся в более широкой категории, которую можно определить категориями доктрины и/или идеологии, которая здесь рассматривается через синтетическую категорию¹⁴: доктрина/идеология¹⁵.

Доктрина/идеология предлагает систему координат, основанную на наборе ценностей и определенном понимании этики, которая предоставляет инструмент для анализа прошлой и настоящей реальности, анализа структуры и конкретной ситуации, но которая также позволяет судить об этой реальности, предлагая подходы

¹³ Его же, «Наука и Анархия».

¹⁴ Смысл здесь в том, что Малатеста использует слово «доктрина», а мы привыкли к слову «идеология» (не в марксистском смысле). Чтобы не было путаницы, Корреа будет использовать понятие «доктрина/идеология».

¹⁵ Предлагается принятие этой синтетической категории (доктрина/идеология), отдавая приоритет терминологическому выбору самого Малатесты. Он крайне редко использует термин «идеология», возможно, во избежание путаницы с марксистским пониманием этого слова. Гораздо более распространенным, однако, является использование термина «доктрина». Малатеста говорит о «социалистической доктрине» (его же, «Пётр Кропоткин: воспоминания и критика одного старого друга»), о «синдикализме как доктрине и практике» (его же, «Рассуждения по "Рабочее движение и анархизм"», в русском переводе: «Я против синдикализма – как в теории [то есть доктрине], так и на практике») и о том, что «под именем анархии излагаются столь расходящиеся и противоречивые доктрины» (его же «Ошибки и средства их исправления»). Говорит об «анархическом индивидуализме» как об «особой доктрине» (его же, «Индивидуализм и Коммунизм в Анархизме»), считает «толстовство» и антимилитаризм «учением» то есть доктриной (его же «Ошибки и средства их исправления»; его же, «Антимилитаризм: был ли он правильно понят?») и упоминает «теоретическое и практическое значение их доктрин» (его же, «Проект организации анархистов»), имея в виду Организационную платформу.

для того, чтобы мыслить то, чем она должна быть, – исходя из того, что было и что есть. То есть доктрина/идеология предлагает систему ценностей. С её помощью можно оценивать и направлять политические позиции, идеи и действия: либо на сохранение *статус-кво*, либо на его изменение. Речь здесь не о том, чтобы описать, как всё есть, а о том, чтобы предписать, как должно быть и что делать¹⁶.

Малатеста считает анархизм доктриной/идеологией, которая, основываясь на человеческих стремлениях, утверждает то, чем общество должно быть – этико-ценностная позиция грядущего, находящаяся за пределами научной области. Капитализм и Государство должны быть уничтожены, уступая место обществу без классов, эксплуатации и господства не потому, что посредством научного анализа нынешней системы господства констатируется, что это естественный конец эволюции общества к известному *телосу* (цели), а потому, что согласно ценностям и этическим представлениям и с точки зрения того, каким общество должно быть, считается, что общество могло бы быть лучше и справедливее, чем оно есть в настоящее время, и что человеческое действие, даже в рамках структурных ограничений, должно быть использовано для того, чтобы продвинуть это общество в сторону революционных преобразований.

Эта цель, которую можно было бы назвать «финалистской», не вытекает из необходимого предсказания того, что обязательно должно быть, и не представляет собой истинную необходимость нормального следствия развития нынешней системы господства; речь идет о желаемой возможности, о чем-то, что считается лучшим и более справедливым, чем то, что дано.

То, что автор концептуально разграничивает категории науки и доктрины/идеологии, могло бы послужить основанием для критики о том, что он защищает таким образом разрыв между теорией и практикой, а также выступает за нейтральность науки и/или ученого. Подобные упреки обычно адресуют Веберу, – чье разграничение понятий науки и политики имеет очевидное сходство с разграничением Малатесты, – как правило, эта критика производится марксистами и часто без оснований¹⁷. Если марксистская критика Вебера облегчается его консервативными политическими взглядами и тем, что он отдает приоритет теоретико-научным разработкам, а не политической практике¹⁸, то положение Малатесты совсем иное.

¹⁶ Категория доктрины/идеологии в малатестовской концепции соотносится с тем, что Стоппино (STOPPINO, Mario. “Ideologia”. In: Norberto Bobbio et alli. *Dicionário de Política*. Brasília: UNB, 2004, pp. 585-587) концептуализирует как идеологию в «слабом смысле»; речь идет о «совокупности идей и ценностей, касающихся общественного порядка и имеющих функцию ориентировать коллективное политическое поведение», или же о «системе идей, связанных с действием», которые включают в себя «программу и стратегию ее реализации». Это понятие отличается от концепта идеологии в «сильном смысле», которая по-марксистски понимается как «ложное верование», «негативное понятие, обозначающее именно мистифицирующий характер ложного сознания политического верования».

¹⁷ Для краткого обсуждения этой проблематики у Вебера и Маркса на основе позиций Малатесты см.: Corrêa, “A Distinção entre as Categorias Ciência e Doutrina/Ideologia na Obra de Errico Malatesta” (Разграничение между категориями Науки и Доктрины/Идеологии в работах Эррико Малатесты). In: ITNA, 2013. [<http://ithanarquista.wordpress.com/2013/11/22/felipe-correa-distincao-entre-as-categorias/>], в особенности часть «Malatesta, Weber e Marx: teoria e prática» (Малатеста, Вебер и Маркс: теория и практика).

¹⁸ Приоритет, который, по-видимому, был также и у Маркса. Если принять во внимание всю совокупность его трудов, теоретические и исторические анализы составляют огромное большинство

Малатеста был человеком, гораздо более преданным политической практике, чем теоретико-научным разработкам. Он участвовал вместе с Бакуниным в Альянсе социалистической демократии в 1872 году и в попытке восстановления этой политической организации в 1877 году под руководством Кропоткина; создал и воодушевлял Анархистскую Социалистическую Революционную Партию в 1891 году, Анархистскую партию Анконы в 1913 году и Итальянский анархистский коммунистический союз / Итальянский анархистский союз в 1919-20 годах. Он был членом итальянской секции Первого Интернационала с 1871 года; основал первые революционные профсоюзы в Аргентине в конце 1880-х годов; участвовал в забастовках в Бельгии в 1893 году, в протестах против повышения цен на хлеб в Италии в 1898 году; деятельно поддерживал Итальянский синдикальный союз (USI); участвовал во всеобщей забастовке и Красной неделе 1914 года в Италии; объединял антифашистскую левую в Альянсе Труда в начале 1920-х годов. Он принимал участие с оружием в руках в восстаниях в Апулии в 1874 году, в Беневенто в 1877 году и был арестован более десятка раз¹⁹.

Нельзя сказать, что, защищая это разграничение между категориями науки и доктрины/идеологии, Малатеста проповедовал в какой-либо мере «разрыв между теорией и практикой»; его идеи были разработаны именно для того, чтобы обеспечить более адекватное понимание реальности, чтобы, исходя из нее, намечать лучшие способы вмешательства, продвигая анархистскую программу к установленным ею целям. Следует также добавить, что Малатеста не придерживался идеи о нейтральности науки, или какой-либо другой идеи, позволяющей приблизить его к позитивизму²⁰.

Малатеста имеет четкое представление о взаимосвязи между наукой и доктриной/идеологией и демонстрирует его в своих размышлениях о научном познании социальной реальности и анархизма. Для него методы анализа и социальные теории принадлежат к научной области: они служат тому, чтобы дать знание о реальности, как она есть; анархизм, исходя из этих соображений, устанавливает свои финалистские цели, которые автор называет «анархией», предопределяя то, какой реальность

его работ, а существенно политические темы, такие как стратегии движения и борьбы, появляются весьма маргинально. Биография Маркса (ср. Mehring, Franz. *Carlos Marx*. Barcelona: Grijalbo, 1973), такие как, например, его приоритет в написании «*Капитала*» вместо участия в конгрессах Интернационала, также, по-видимому, подкрепляют эту гипотезу.

¹⁹ FABBRI, Luigi, указ. соч.; NETTLAU, Max, оба указ. соч.; RICHARDS, Vernon, указ. соч.

²⁰ Для Малатесты («*Наука и Анархия*») «[наука] удовлетворяет определённые интеллектуальные потребности и в то же время является действеннейшим инструментом могущества». В культурной/идеологической сфере этот мощный инструмент могущества, власти может быть использован для господства в той мере, в какой люди начинают верить тем, кто занимается наукой, а они в свою очередь привержены господствующим интересам. Так же как экономика и политика, в будущем обществе наука должна быть обобществлена. «В нашей программе написано не только “хлеб для всех”, но и “наука для всех”» (Его же, «*Псевдонаучные заблуждения*»). Это обобществление науки важно по причине того, что ее специализированное производство связано в большинстве случаев с интересами господствующих классов; само производство знания, отчужденное от общества в целом и от трудящихся в частности, укрепляло бы классовые различия. Согласно малатестовскому взгляду, трудящиеся должны иметь условия, чтобы самим, положив конец разделению между физическим и умственным трудом, посвятить себя научному производству и развивать его в свою пользу.

должна быть, и разрабатывая стратегии и тактики для преобразования реальности в этом направлении.

Его взгляды по отношению к научной области, охватывающей методы анализа и социальные теории, будут рассмотрены далее. Характеризуя анархизм как доктрину/идеологию, Малатеста признает, что не существует анархистского метода анализа или социальной теории; в исторических терминах анархисты использовали различные теоретико-методологические инструменты для понимания реальности, не переставая при этом быть анархистами. Анархизм характеризуется тем, что он является совокупностью определенных политико-идеологических принципов. Различные течения исторически складываются на основе различных стратегических позиций²¹.

В общих чертах доктринальные и стратегические позиции, характеризующие малатестовский анархизм, сводятся к следующему. Малатеста выступает с критикой эксплуатации труда, частной собственности, государственного господства, образования, религии и патриотизма своего времени; насилие и классовая борьба являются для него фундаментальными чертами этой системы господства. Он подкрепляет эту критику теоретико-методологическими подходами, которые стремятся как можно сильнее приблизиться к социальным наукам. Он предлагает в качестве финалистских целей обобществление собственности, власти, упразднение социальных классов, свободу и равенство для всех. Эти цели, как он их мыслит, не вытекают в обязательном порядке из научных выводов. Его стратегия – это организационный дуализм, который предполагает одновременную организацию политическую (специфически анархистскую) и массовую (народные движения), иницируя и поддерживая низовую работу, пропаганду и образование среди трудящихся и формируя социальную силу, способную посредством борьбы за частичные улучшения осуществить социальную революцию. Эта стратегия, как бы она ни содержала в себе направляющие ее научные элементы (тактика подчиняется стратегии, а последняя – цели²²), также не может считаться полностью частью научной области.

В общем, можно утверждать, что теоретико-концептуальное разграничение науки и доктрины/идеологии, предложенное Малатестой, сделано в действительности для того, чтобы усилить анархистскую политическую практику; таков найденный им способ совместить теорию и практическую деятельность.

Наука и доктрина/идеология

В дидактических целях, систематизируем определение малатестовских категорий, рассмотренных ранее.

Наука. В своем социальном значении представляет собой форму производства и систематизации прошлых и/или настоящих, исторических и/или теоретических, структурных и/или ситуативных знаний, которые объясняют социальную реальность и имеют в них подтверждение. Обладает способностью объяснять возникновение

²¹ О принципах анархизма, его наиболее важных стратегических дебатах и его течениях см.: Corrêa, «*Rediscutindo o Anarquismo...*», указ. соч. 2012.

²² См. CLAUSEWITZ, Carl von. *Da Guerra*. São Paulo: WMF Martins Fontes, 2010, p. 71.

и повторение одного или нескольких социальных фактов и может делать будущие предсказания о том, что в обязательном порядке вытекает из прошлых и настоящих фактов.

Доктрина/идеология. Совокупность принципов, которые имеют в качестве основы этико-ценностные позиции и которые устанавливают ориентиры для цели, опирающиеся на стремления определенной совокупности социальных агентов. Она может взаимодействовать с наукой в том, что касается инструментария, используемого для объяснения социальной реальности, но главным образом она даёт систему отсчёта, способную направлять суждение об этой реальности, она даёт то, что позволяет думать о том, какой реальность должна быть, а также формировать политические позиции, идеи и действия — ради сохранения или изменения этой реальности.

Наука в Обществе

Независимо от малатестовской критики приравнивания категорий науки и доктрины/идеологии, он не считает, что от науки следует отказаться и не считает, что она бесполезна: *«мы знаем, какая это прекрасная, великая, могущественная и полезная вещь – наука; мы знаем, как она служит освобождению мысли и торжеству человека в борьбе против враждебных сил природы»*. Он подчеркивает, что хотел бы, *«чтобы мы сами и все товарищи имели возможность составить себе о Науке синтетическое представление и углубиться хотя бы в одну из её бесчисленных областей»*²³. Развитие науки, таким образом, содержит в себе возможности, и поэтому ему следовало бы уделять должное внимание. Однако эта защита потенциала науки не означает для автора поддержку сциентизма или даже понимание того, что для того, чтобы быть анархистом, человеку необходимы большие научные знания: *«Конечно, не нужно быть докторами наук, чтобы быть хорошим и полезными анархистами»*²⁴.

Малатестовская концепция науки в определенной степени связана с парадигмой естественных наук; наука, утверждает Малатеста, имеет своей целью *«изучать природу, открывать факт и «законы», которые им управляют, то есть условия, при которых факт необходимо происходит и необходимо воспроизводится»*²⁵. Для него *«Наука составляется тогда, когда может предвидеть то, что произойдёт, – неважно, умеет ли она или нет сказать, почему: если прогноз не сбывается, это значит, что была ошибка и потому остается только делать более широкое и более глубокое исследование»*. Одним из сущностных черт науки является, вследствие этого, её способность к предсказанию с определенным уровнем точности и эмпирической проверки того, что было предсказано. *«Случай, произвол, каприз – понятия, чуждые науке, которая ищет то, что фатально, то есть то, что не может быть иначе, то, что необходимо»*.

Однако в малатестовской концепции эта парадигма, которая в определенной мере служит для исследования физико-химических явлений – вопреки тому, что

²³ Малатеста, *«Псевдонаучные заблуждения»*.

²⁴ Цитата завершается словами *«напротив, иногда это вредит»* (прим. пер.)

²⁵ Его же, *«Еще о «Науке и Анархии». Необходимость и Свобода»*. Все цитаты в этом абзаце относятся к этой статье.

утверждали механицисты его эпохи, – не охватывает полностью социальные явления. Поэтому было бы необходимо установить различия между этой научной парадигмой естественных и социальных наук²⁶.

Существует фундаментальный элемент, который лежит в основе разграничения между естественными науками и социальными: человеческое действие (или агентность). Тот факт, что мужчины и женщины обладают собственной волей и определенной свободой в своем поведении – «способность желать»²⁷, по выражению Малатесты, – усложняет анализ явлений в социальной сфере. По этой причине нельзя было бы приравнивать природные явления – как, например, приводимый самим автором рост цветка – к развитию человеческой истории.

Для Малатесты то, что характеризует парадигму социальных наук, – это их постоянная временность или изменчивость. Если даже естественные науки не являются непогрешимыми, не обладают способностью объяснять всё, и если сами ученые-естественники должны знать, что открытые «истины» не могут приниматься во внимание без должного сомнения, то в социальных науках эти аспекты очевидны еще в большей степени.

Автор подчеркивает, что *«сомнение должно быть умственной позицией всякого, кто стремится всё больше приближаться к истине, или по крайней мере к той доле истины, которую возможно достичь»*²⁸. Такая открытость к пониманию реальности была бы фундаментальной, поскольку, в частности, в социальных науках абсолютные истины с предсказательной достоверностью практически отсутствуют. Малатеста утверждает, что *«В науке теории – всегда гипотетические и временные»*²⁹, а *«доказательства – вещь относительная»*³⁰; наука довольствуется тем, что *«стремится всё больше приближаться к истине, или по крайней мере к той доле истины, которую возможно достичь»*³¹.

Подчеркивая эту часть *«истины, которую возможно достичь»*, Малатеста признает, что сложность жизни, социальной реальности, намного превосходит способности тех, кто хочет её понять³². Таким образом, существует фундаментальное различие между природой и мыслью³³; анализируя реальность, человек никогда не имеет

²⁶ Тем не менее, в рассматриваемых текстах остается не совсем ясным, считает ли Малатеста эти различия существенными для оцениваемой области (естественной или социальной), исключая, таким образом, какую-либо возможность того, чтобы социальные науки брали за модель естественные науки, главным образом из-за переменной человеческого действия; или же, напротив, как утверждали другие мыслители, социальные науки имели бы эти различия по причине своей незрелости и могли бы благодаря развитию достичь прогностического уровня естественных наук. Факт заключается в том, что на тот момент Малатеста утверждает необходимость разграничения двух парадигм.

²⁷ Его же, «Вера и Наука».

²⁸ Там же.

²⁹ Его же, «Социальный Республиканизм и Анархизм».

³⁰ Его же, «Вера и Наука».

³¹ Там же.

³² Позиция, которая близка к той, что ранее отстаивал Бакунин («Бог и Государство», часть I, «9. Роль науки»), утверждавший в 1871 году, что *«Наука понимает мысль о действительности, но не саму действительность, мысль о жизни, но не саму жизнь»*.

³³ Нельзя, согласно Малатесте («Среди туманов философии»), допускать смешения *«Науки с Моралью Этики, Силы в механическом смысле слова, которая есть сущность определяемая и измеримая, с моральными силами, Природы с Мыслью, естественного Закона с Волей»* (подчеркивания добавлены).

условий для того, чтобы постичь её во всей её полноте, и поэтому знание всегда является частичным, фрагментарным.

Поэтому признание временного характера методов и теорий, осознание пределов науки, принятие критической позиции сомнения и постоянной открытости были бы фундаментальными для получения более адекватного знания о реальности. Речь идет, для Малатесты, о защите этой «воли к знанию», которое «которая оставляет открытым перед нами необъятное поле исследований и открытий»³⁴. Тот, кто стремится понять реальность, должен, следовательно, использовать «рабочие гипотезы» то есть делать «предположения, которые служат ему руководством и стимулом в его исследованиях»³⁵; если они оказываются неверными, эти гипотезы и предположения должны быть сформулированы заново с целью расширения знания.

Следовательно, именно методы анализа и социальные теории должны адаптироваться к реальности, а не наоборот. Они должны использоваться в той мере, в какой они помогают понять эту реальность, и, если они оказываются неэффективными, их следует совершенствовать и/или заменять. Таким образом, необходимо стремиться к антидогматической позиции перед лицом фактов и к теоретико-методологическому инструментарию, который не смешивают с доктриной/идеологией и который может быть использован, усовершенствован или заменен в меру его объяснительной способности.

Именно по этой причине Малатеста считает, что не существует анархистской науки, единого набора методов анализа и социальных теорий, который мог бы быть возведен в статус доктринального/идеологического принципа, поскольку, если этот набор окажется неэффективным, он должен быть усовершенствован или заменен, без того чтобы это влекло за собой отказ от анархистских принципов: «Я протестую против характеристики «догматик», потому что, будучи твёрдым и решительным в том, чего хочу, я всегда сомневаюсь в том, что знаю, и думаю»³⁶. Речь идет об уверенности в отношении анархистских принципов и о неуверенности, постоянном сомнении, относящемся к теоретико-методологической области.

Кроме того, наука представляет собой инструмент власти; для Малатесты, наука «удовлетворяет определённые интеллектуальные потребности и в то же время является действенным инструментом могущества»³⁷. Господствующая и иерархическая структура общества рассчитывает в культурной/идеологической сфере на этот мощный инструмент власти, который может быть использован для угнетения; «не знать» означает, что принимается знание других, и, в случае если они связаны с интересами господствующих классов, как это часто бывает, это означает принятие их видение мира.

Наука, таким образом, находится среди инструментов, которые укрепляют эту структуру господства в обществе; нельзя стремиться, с освободительной перспективой, к тому, чтобы она управляла миром. Малатеста подчеркивает в этой связи, что наука не может иметь своей миссией «регулировать поведение людей»³⁸; автор, сле-

³⁴ Его же, «Вера и Наука».

³⁵ Его же «Среди туманов философии».

³⁶ Там же.

³⁷ Его же, «Наука и Анархия».

³⁸ Его же, «Вера и Наука».

довательно, выступает против предложений сен-симонистского типа, указывавших на необходимость того, чтобы общество управлялось учеными. Так же, как экономика и политика, в будущем обществе наука тоже должна быть обобществлена. «В нашей программе написано не только “хлеб для всех”, но и “наука для всех”»³⁹. Обобществление науки, являющееся частью анархистской программы, важно, поскольку специализированное производство научных знаний в большинстве случаев связано с интересами господствующих классов; само производство знания, отделенное от общества в целом и от трудящихся в частности, укрепляет различия между социальными классами. Согласно Малатесте, трудящиеся должны иметь условия для того, чтобы сами, положив конец разделению между физическим и умственным трудом, посвятить себя научному производству и развивать его в свою пользу.

Эта обобществление, однако, не вытекало бы автоматически из экономического или политического обобществления; как указывает Малатеста, наука должна быть завоевана⁴⁰. То есть, если в экономической и политической сферах трудящиеся должны овладеть средствами производства, управления и контроля, то в научной сфере они должны экспроприировать науку и обобществить её для всех. Наука, как будет обсуждаться далее, составляет часть культурной/идеологической сферы и, как таковая, не только испытывает на себе воздействие экономической и политической/юридической/военной сфер, но и способна влиять на них. Научное знание, таким образом, представляет собой инструмент власти и имеет значение в экономических и политических процессах; поэтому оно также должно через процесс социальных преобразований быть обобществлено.

Наконец, хотя наука и не является нейтральной, она может использоваться для различных целей. Малатеста утверждает, что «Наука – это оружие, которое может служить как добру, так и злу; но сама она полностью игнорирует понятия добра и зла»⁴¹ и «она индифферентна [...] к освобождению и угнетению»⁴². Здесь снова становится очевидной необходимость понимания разграничения категорий науки и доктрины/идеологии; хорошо разработанный научный труд, даже если в момент его создания он имеет конкретную цель – которой, как правило, обладает любой научный труд, – может использоваться различными путями и с различными целями⁴³. Это объяснило

³⁹ Его же «Псевдонаучные заблуждения».

⁴⁰ Там же – «Наука, как и хлеб, не есть бесплатный дар Природы. Её нужно завоевывать с трудом, и мы боремся за то, чтобы создать условия, которые сделают этот труд возможным для всех».

⁴¹ Его же, «Наука и социальные преобразования».

⁴² Его же, «Наука и Анархия».

⁴³ В качестве примера этого можно использовать марксистские труды. Маркс в «Капитале» (5 vols. São Paulo: Nova Cultural, 1985) выстраивает весьма убедительное объяснение динамики капитала в обществах развитого капитализма; речь идет о научном труде, который основывается на теоретико-исторической перспективе и объясняет функционирование определенной реальности. Разумеется, доктринальная/идеологическая перспектива марксистского труда заключалась в освобождении трудящихся посредством процесса преобразований, которые установили бы социализм; таково было основание для разработки этой его работы, её конечная цель, присутствующая во всех научных трудах, которые, следовательно, не являются нейтральными. Однако этот научный труд, пусть даже он и был создан в лагере социалистических левых и имел определенные намерения, не обязательно функционирует на службе этих намерений. Оценочное суждение о том, что Маркс описывает и объясняет – например, эксплуатация труда посредством извлечения прибавочной стоимости, – то есть является ли то, что содержится в «Капитале», «хорошим» или «плохим», «правильным» или «неправильным»,

бы тот факт, что такие сочинения, как работы Жоржа Сореля, были присвоены как крайними левыми, так и крайними правыми; были присвоены теоретико-научные подходы и включены в рамки отличной доктрины/идеологии. Это объяснило бы также, как сочинения консерваторов, таких как генерал Клаузевиц, были присвоены левыми для разработки революционной стратегии.

Однако следует указать, что научные труды не служат любой цели; сомнение и открытость к методам и теориям имеют предел. Прочтение реальности (наука), которое считает, например, что в обществе нет социальных классов, может поставить под сомнение социалистические принципы (доктрину/идеологию), такие как классовая борьба. То же самое можно было бы сказать по поводу использования, например, структурного функционализма в качестве научной основы для социального анализа. Поскольку общество рассматривается как организм без значительных возможностей для изменений и трансформаций, под сомнение ставились бы базовые принципы любого левого течения. В этих случаях имело бы место влияние научной сферы на доктринальную/идеологическую сферу, затрагивающее элементы её фундаментального ядра и демонстрирующее, что методы анализа и социальные теории не являются нейтральными. Можно сказать, что сомнение и открытость по отношению к научной сфере с доктринальной/идеологической перспективы имеют своим пределом принципы этой доктрины/идеологии; в случае анархизма теоретико-методологический инструментарий, используемый для понимания реальности, имеет своим пределом анархистские принципы. В конечном счете указывается на необходимость теоретико-научной открытости в той мере, в какой она может быть совмещена с доктринальными/идеологическими предпосылками.

Наука в целом и социальные науки в частности

Ниже кратко обобщаются концепции Малатесты касательно науки в обществе.

Утверждение различия между научной и доктринальной/идеологической сферами не означает преуменьшение роли науки, обладающей потенциалом, который еще предстоит раскрыть. Наука в целом позволяет понять природу, включая в неё человечество, посредством открытия законов, которые ею управляют и которые позволяют объяснить возникновение и воспроизводство различных явлений. Она демонстрирует свое развитие настолько, насколько способна правильно предска-
зы-

«справедливым или несправедливым», представляет собой ценностное суждение, выносимое читателями со значительной независимостью от ценностных позиций Маркса. Из научного объяснения Маркса могут вытекать различные позиции. Социалисты, как они в общем и делали, интерпретируют это так, будто то, что объясняет Маркс, доказывает, что капитализм является чем-то плохим, неправильным и несправедливым для трудящихся, которые по этой причине должны вкладывать силы в процесс преобразования капитализма. Тем не менее, консервативные читатели могли бы рассмотреть все объяснения Маркса и согласиться с тем, что общества промышленного капитализма действительно таковы, но считать по ряду причин – удачу за собственные усилия, естественные различия в способностях или интеллекте, божественный дар и так далее, – что это хорошо, правильно и справедливо для общества. То есть тот факт, что теоретико-научный труд адекватно объясняет определенную реальность, не означает в обязательном порядке, что из его изучения непременно вытекают доктринальные/идеологические позиции, аналогичные позициям того, кто его создал. Доктрина/идеология не вытекает автоматически из науки.

вать. Социальные науки, в частности, парадигмально отличаются от естественных наук; человеческое действие, присутствующее в первых, влечет за собой особый характер, который отличает их от вторых. Социальные науки включают в себя временность, то есть предварительность, и неопределенность; знание всегда частично, фрагментарно, а возможность проверки через прогнозирование отсутствует. При исследовании этой области позиция исследователей должна заключаться в постоянном сомнении и открытости, позволяя приблизиться к той части истины, которую можно найти.

Таким образом, социальные науки не могут считаться догмами или даже идеологико-доктринальными принципами; сторонники определенной доктрины/идеологии, такие как анархисты, должны иметь условия для совершенствования методов и теорий без того, чтобы это влекло за собой отказ от их политических позиций. Речь идет о принятии позиции идеологико-доктринальной уверенности и теоретико-методологического сомнения. Тот факт, что наука не является нейтральной и обладает методами и теориями, которые более или менее адекватно соотносятся с различными доктринами/идеологиями, требует, чтобы даже при этом антидогматизме по отношению к научной сфере методы и теории совмещались с идеологико-доктринальными позициями. Из-за задействованных властных отношений ученые не должны управлять обществом; научная сфера в будущем обществе должна быть обобществлена посредством процесса, который требует прямого вмешательства человеческого действия, поскольку она не вытекает автоматически из экономического и/или политического обобществления.

Теоретико-Методологические подходы для социального анализа

Открытость и антидогматизм, которых Малатеста придерживался в отношении научной сферы, не означают, что все методы анализа и социальные теории обладают одинаковой эффективностью. Зная научные идеи, господствовавшие в его время, и сочетая часть из них с собственными оригинальными разработками, автор в итоге сформировал относительно новаторский и эффективный инструментарий для социального анализа, который, как кажется, и сегодня открывает определенные возможности.

Малатеста мыслит процесс обобществления, отношение между индивидом и обществом, через неразрывную связь между ними: *«Человеческий индивид – не существо, независимое от общества, а скорее его продукт. Без общества он никогда не смог бы подняться из состояния грубой животности и стать по-настоящему человеком, а вне общества не мог бы не скатиться более или менее быстро назад к первобытной животности»*⁴⁴. Индивид, таким образом, может мыслиться только внутри общества и как его часть. Однако этот индивид не только испытывает на себе воздействие общества, но и принимает активное участие в его формировании⁴⁵. По мнению

⁴⁴ Малатеста, «Индивидуализм в Анархизме».

⁴⁵ В этом смысле отмечается преемственность по отношению к идеям Бакунина («Федерализм, Социализм и Антитеологизм», III. Антитеологизм), который утверждал, что индивид полностью социален:

Малатесты, *«Между человеком и его социальным окружением существует взаимное влияние. Люди делают общество таким, какое оно есть, а общество делает людей такими, какие они есть»*⁴⁶. Речь идет, следовательно, о взаимозависимости индивида и общества, где части опираются друг на друга и чьи траектории непосредственно переплетены. Общество влияет на индивида, и в то же время индивид влияет на него; оно формирует его, и в то же время он формирует общество. *«Социальное действие»*, – продолжает автор, – *«не есть ни отрицание, ни дополнение индивидуальной инициативы, но есть равнодействующая инициатив, мыслей и действий всех индивидов, составляющих общество»*⁴⁷. Человеческое действие в обществе, таким образом, вовлекает как индивида, так и общество, связывая одновременно каждого и всех.

Считается, что социальная реальность может быть аналитически разделена на три сферы: экономическую, политическую/юридическую/военную и культурную/идеологическую⁴⁸. То, как Малатеста понимает отношения между этими тремя сферами,

«всякий человеческий индивид в момент своего рождения является всецело продуктом исторического, то есть физиологического и социального развития его расы, народа, касты – если в его стране существуют касты, – его семьи, его предков и индивидуальных особенностей его отца и матери». Для Бакунина существуют диалектические отношения между индивидом и обществом, основанные на *«универсальной причинности»*, которая ставит в постоянную связь целое (общество) и его части (индивидов), все из которых взаимно влияют друг на друга.

⁴⁶ Эррико Малатеста *«Анархистская программа»*.

⁴⁷ Его же, *«Анархия»*.

⁴⁸ Bruno Lima Rocha (*A Interdependência Estrutural das Três Esferas: uma análise libertária da Organização Política para o processo de radicalização democrática*. Porto Alegre, UFRGS (tese de doutorado), 2009, pp. 285-286) определяет эти три социальные сферы следующим образом.

Экономическая сфера. Экономика связана *«с миром труда, производства и обращения товаров, продуктов, богатств и услуг; она касается материальных условий и даже нематериальных благ развития и самого существования общества, а также того, как происходит раздел или концентрация общественного продукта»*. Речь идет о сфере, включающей производство, распределение и потребление благ определенного общества; материальные средства существования мужчин и женщин; системы обмена и их структуры.

Политическая/юридическая/военная сфера. Политика связана *«с общими уровнями принятия решений в обществе; это уровень, который анализирует партии, правительства, макроорганизмы Государства и организованные социальные силы (группы, организации в рамках институтов, политические партии – левые или правые, с различными вариациями, легальные или нет); пространство переговоров и столкновений между господствующими силами, между угнетенными классами и соглашательских механизмов»*. Юридическое связано *«с юридическим полем и непосредственно с Судебной властью; также со структурами, нормами, регулируемыми инстанциями, которые налагают санкции (например, при тяжбах) и могут определять наказание внутри общества. Не следует обязательно путать право с законом, защиту с адвокатом и нормативное соглашение (например, уставную базу) с определением законов»*. Военное связано *«с применением силы, систематическим или нет, имеющим отношение, как и все репрессивные уровни, к насилию в обществе и к возможному противостоянию физическому угнетению, структурам господства и к освобождению/эмансипации через использование силы»*.

Культурная/идеологическая сфера. Культура связана с установками, нормами, верованиями, более или менее разделяемыми членами общества. Она включает знания, искусство, мораль, обычаи и привычки и имеет отношение к *«социальным институтам, форме жизни в обществе, семейному существованию, связям, узам и взглядам»*. Идеология относится ко *«всему, что циркулирует в поле идей, субъективностей, нематериальных коннотаций, на уровне символического и репрезентаций. Она является частью того, что было бы коллективным бессознательным, а также того, что превосходит материальное. На этом уровне находятся религиозные чувства и мир утопий и человеческих стремлений. Содержание сообщений, эстетика и ценности, содержащиеся в коммуникации и культуре, также находятся на этом уровне»*.

может быть интерпретировано в ключе *Теории взаимозависимости сфер*, которая утверждает, что «социальное» представляет собой единое целое, формирующееся на основе результатов взаимозависимых отношений между этими тремя сферами⁴⁹. Эта взаимозависимость прослеживается в работах Малатесты как в критико-деструктивном, так и в конструктивно-пропозитивном аспектах, демонстрируя последовательность между стратегией и социальным анализом.

Анализируя общество своего времени, автор критиковал господство во всех трех сферах: в экономической сфере он обличал эксплуатацию труда, в политической/юридической/военной – осуждал государство и правительство, в культурной/идеологической – разоблачал религию и доминирующее образование. Можно сказать, что для Малатесты это повсеместное господство носит системный характер, и различные виды господства подкрепляют друг друга. Их взаимозависимая конфигурация воплощает систему господства, в которой части находятся в динамических отношениях. Например, в случае отношений между господством в экономической и политической/юридической/военной сферах автор подчеркивал, что «*экономическая эксплуатация и политическое господство суть два аспекта одного и того же факта – подчинения человека человеком*»⁵⁰. Если господство объединяется и укрепляется подобным образом, то и освободительные проекты должны осуществляться так же взаимозависимо: «*Остается подтвердить еще раз нашу старую программу, которая провозглашает неразрывность освобождения духовного, политического и экономического*»⁵¹.

Не устанавливая заранее обязательной и необходимой детерминированности между тремя сферами, Малатеста делает относительными и условными позиции таких мыслителей, как Бакунин, Маркс и Энгельс, которые сходились в том, – пусть и на разных основаниях и уровнях, – что экономическая сфера, пусть даже «в конечном счете»⁵², определяет остальные сферы⁵³. Для него в развитии общества экономи-

⁴⁹ Эта теория, представленная в работе Rocha (там же), академически формализует наработки из области анархизма, в частности Федерации Анархистов Уругвая (FAU), разрабатывавшиеся с 1970-х годов, и, в последнее время, Федерацией Анархистов Гауча (FAG). См. FAU-FAG, *Wellington Gallarza e Malvina Tavares: material de trabalho para a formação teórica conjunta*. Montevideu/Rio Grande do Sul, 2007. [<http://www.red-libertaria.net/pdfs/estructu-ras0507.pdf>] 2007. Согласно Rocha (там же, pp. 110-111), в Теории взаимозависимости сфер «не устанавливается априори детерминированность одной структуры над другими. Это доминирование является продуктом соответствующих анализов и не дано априори. [...] Это была бы глобальная структура без заранее установленного преобладания одной сферы над другой. То есть без детерминированности, кроме как взаимозависимости. «Детерминантой», если мы хотим использовать этот термин, была бы матрица, которой обладает эта глобальная совокупность [...] в текущий период. Таким образом, мы держим здоровую дистанцию как от редуccionизма, так и от релятивизма». Предлагая эту связь между концепциями Малатесты и Теорией взаимозависимости сфер, мы не стремимся вписать автора в теоретико-методологические рамки, созданные позже, и не утверждаем, что он разработал то, чего не разрабатывал; мы лишь пытаемся предложить возможный ключ к интерпретации его мысли, который следует рассматривать в качестве гипотезы и проверять со временем. Кажется, однако, что этот ключ открывает возможности для более адекватного понимания мысли Малатесты.

⁵⁰ Эррико Малатеста, «Социализм и Анархия».

⁵¹ Его же, «Идеализм и материализм».

⁵² то есть, даже если надстройка вредит экономике, «в конечном счёте» экономика восторжествует

⁵³ Хорошо известно, что Маркс (*Contribuição à Crítica da Economia Política*. São Paulo: Expressão Popular, 2008, pp. 47-48) утверждает, что совокупность «производственных отношений составляет экономическую

ка, безусловно, имеет возможность влиять на другие сферы, и во многих случаях действительно влияет. Однако этот процесс нельзя рассматривать детерминистски или механистически в ключе «базиса и надстройки»; другие сферы также и в то же время обладают способностью влиять на экономику и во многих случаях на нее влияют. И в этом процессе Малатеста не только отвергает вульгарный экономический детерминизм и саму схему базиса и надстройки, принятую значительной частью марксистов, но даже отрицает, что основа общественных отношений находится в экономической сфере и что она является наиболее важной сферой социального. Его критику в адрес Бакунина, где он утверждал, что русский революционер «*в политической экономии и в интерпретации истории был слишком марксистом*»⁵⁴, следует понимать именно в этом смысле. Для Малатесты социальное представляет собой взаимозависимую единую систему, и должно оцениваться соответствующим образом. Кроме того, детерминированность между сферами не может быть установлено *априори*, а должно анализироваться в каждом конкретном случае в зависимости от исторического контекста, в который они включены.

Одним словом, в том, что касается отношений между социальными сферами, утверждается многопричинность, которую можно понять только в ее целостности и в соответствии с понятием взаимозависимости, без принятия *априори* однопричинных рамок.

Если, с одной стороны, Малатеста окончательно порывает с идеализмом, господствовавшим до XIX века, и с попытками объяснить общество на теологических и/или метафизических основаниях, то, с другой стороны, он также определенным образом преодолевает классическое разделение социалистов XIX века на материализм и «идеализм», предлагая, как уже отмечалось, примирение всей совокупности трех

структуру общества» и является «реальным базисом, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания». Именно «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни». Бакунин («Братьям Альянса в Испании») знал эту концепцию, с которой соглашался, утверждая, что «Маркс [...] выставил основное положение, что все религиозные, политические и юридические процессы в истории являются не причинами, а следствиями экономических процессов. Это – великая и плодотворная мысль». Однако этот принцип верен, «когда его рассматривают в верном освещении, то есть с точки зрения относительной» (его же, «Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов»), поскольку политические явления (среди них Государство) и культурные явления, будучи однажды данными, способны определять экономику. Речь идет о той же позиции, которую отстаивал Энгельс (“Letter to J. Bloch (21-22/09/1890)”. In: MARX, Karl; ENGELS, Friedrich. *Selected Correspondence*. Moscou: Progress Publishers 1965, p. 417), когда объяснял мысль Маркса и придавал относительный характер вульгарному экономическому детерминизму: «Согласно материалистическому пониманию истории, определяющим моментом в конечном счете в истории является производство и воспроизводство реальной жизни. Ни я, ни Маркс никогда не утверждали большего. Если кто-то извращает это, утверждая, что экономический фактор является единственным определяющим, он превращает это положение в абстрактную, бессмысленную и пустую фразу. Экономические условия — это инфраструктура, базис, но различные другие векторы надстройки (политические формы классовой борьбы и ее результаты, а именно: конституции, установленные победившим классом после выигранной битвы, и так далее, юридические формы и даже размышления об этих битвах в головах участников, такие как политические, юридические или философские теории, религиозные воззрения и их последующее развитие в системы догм) также оказывают свое влияние на ход исторических битв и во многих случаях преобладают в определении их формы».

⁵⁴ Эррико Малатеста, «Михаил Бакунин», 1926.

сфер и признавая, наряду со значением фактов по отношению к идеям, важность идей по отношению к фактам⁵⁵. Критикуя крайние позиции, которые заранее отдают приоритет влиянию и детерминированности одной сферы над другими, Малатеста подчеркивает:

«Несколько лет назад все были «материалистами». Во имя «науки», которая превращала в догму всеобщих принципов принципы, выводимые из весьма неполных позитивных знаний, выдвигалась претензия на объяснение всей психологии человечества и любых превратностей его истории самыми элементарными материальными потребностями. [...] А те, кто придерживались более широкого и менее упрощенного понимания человеческой природы и истории, считались, как в консервативном, так и в революционном лагере, людьми отсталыми и «антинаучными». [...] Сегодня мода переменилась. Сегодня все стали «идеалистами». Каждый [...] рассматривает человека так, как будто тот являл собой чистый дух, для которого еда, одежда и удовлетворение физиологических потребностей есть нечто [...] ничтожное [...]. Я подозреваю, что все «идеалисты» – это люди, которые едят каждый день и имеют гарантию того, что смогут поесть и на следующий. И это естественно: ведь для того, чтобы иметь возможность мыслить, стремиться к более возвышенным вещам, необходимым определенным уровнем материального благосостояния»⁵⁶.

Помимо того, что Малатеста ставит под сомнение научные обобщения, построенные на очень ограниченных основаниях, он критикует редукционистские объяснения – как те, что выводят всё из материальных потребностей, так и те, что полностью их игнорируют. По мнению автора, эти потребности должны учитываться в менее категоричных рамках. Материальные факты, особенно экономика, не объясняют все общественные явления и не определяют в обязательном порядке другие сферы; в то же время противоположная позиция, согласно которой идеи являются основой структуры общества, также несостоятельна. Обе позиции должны быть оставлены в пользу другой, более разумной и, по-видимому, подтверждаемой историей: это неразрывная связь между тремя сферами, между фактами и идеями, а также детерминации, идущие в разных направлениях – в зависимости от контекста, – которые и образуют целостности системного характера. Эти системы, даже если они могут быть изменены или преобразованы, обладают таким характером, поскольку постоянно и динамично связывают свои части, и то, что происходит в каждой из их частей, оказывает влияние на целое. Таким образом, общество представляет собой систему, а сферы – ее части.

Для Малатесты общество характеризуется различными конфликтами, которые его структурируют; социальная реальность всегда соответствует определенному положению различных сил, находящихся в игре. Он считает, что *«Нынешнее общество*

⁵⁵ Вспомним, что для Бакунина (*«Бог и Государство»*) *«идеалисты заблуждаются, а материалисты правы»*, поскольку *«факты господствуют над идеями»*; его концепция материализма напрямую связана с этим приоритетом фактов по отношению к идеям.

⁵⁶ Малатеста, *«Идеализм и материализм»*.

– *результат длительной борьбы человека с человеком*⁵⁷; эта борьба, эти конфликты являются наиболее определяющими чертами в формировании общества⁵⁸. Поэтому позиции Малатесты существенно отличаются от функционалистских позиций – как классических (например, Дюркгейма), так и последующих (в случае структурного функционализма), которые склонны минимизировать роль конфликтов в обществе и не объясняют адекватно социальные изменения и трансформации.

Однако для Малатесты эти конфликты мыслятся шире, чем предлагает формула Маркса и Энгельса в *«Манифесте Коммунистической партии»*, утверждающая, что *«история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»*. Конфликты, существующие постоянно в любом обществе, не обязательно являются классовыми конфликтами.

*«И конфликты интересов и страстей существуют и будут существовать всегда, ведь даже если бы удалось устранить нынешние конфликты до такой степени, чтобы прийти к автоматическому согласию между людьми, другие конфликты возникали бы с каждой новой идеей, зародившейся в человеческом мозгу»*⁵⁹.

Эти социальные конфликты, в которые могут быть вовлечены классы, группы и индивиды, возглавляются динамичными социальными силами, находящимися в постоянном движении, отношении и противопоставлении. По мнению Малатесты, *«история будет двигаться, как всегда, согласно равнодействующей сил»*⁶⁰; иными словами, история – это история социальных конфликтов, отношений между различными социальными силами, находящимися в игре. Следует подчеркнуть, что «социальная сила» в данном понимании выходит за рамки понятия «грубой силы», принуждения или насилия и охватывает элементы всех трех сфер. Эти силы формируются и вступают в конфликты с участием элементов экономической, политической/юридической/военной и культурной/идеологической сфер, обладая материальными и моральными, объективными и субъективными основаниями⁶¹.

Для автора именно динамичные конфликты между различными социальными силами формируют определенную реальность; в исторической перспективе именно эти конфликты устанавливают отношения власти, формируют господствующие, иерархические, подчиненные отношения между классами, группами и индивидами. Те, кто обладает способностью поднять и организовать наибольшую социальную силу в этих конфликтах, получают возможность навязать себя другим; речь идет, по его мнению, о постоянной борьбе.

⁵⁷ Его же, *«Анархистская программа»*.

⁵⁸ См. схожие позиции у Эррандонеа *«Социология Господства»* и у Fabio López. *Poder e Domínio: uma visão anarquista*. Rio de Janeiro: Achiamé, 2001.

⁵⁹ Эррико Малатеста, *«Индивидуализм в анархизме»* (продолжение «Еще об индивидуализме»).

⁶⁰ Его же, *«Социальная защита против преступности»*.

⁶¹ Это понятие социальной силы можно заметить в стратегии борьбы, предложенной Малатестой (*«Анархистская программа»*, 2. Пути и средства): «мы должны стремиться пробудить у угнетённых осознанное стремление к радикальной социальной трансформации и убедить их в том, что, объединившись, они обладают силой для победы; мы должны пропагандировать наш идеал и готовить необходимые материальные и моральные силы для победы над врагом и для организации нового общества» (курсив добавлен).

Используя это понятие соотношения сил для оценки политического конфликта между правительством и трудящимися, Малатеста подчеркивает:

«Правительства принимают законы. Поэтому они должны располагать материальными силами (полицией и армией) для обеспечения соблюдения законов, иначе их будут соблюдать только те, кто хочет, а тогда это будут уже не законы, а просто набор рекомендаций, которые каждый может принять или отклонить по своему усмотрению. Однако правительства обладают этой властью и используют ее через законы для укрепления своей власти, а также для обслуживания интересов правящих классов, угнетая и эксплуатируя рабочих. Единственным ограничением угнетения со стороны правительства является сила, с которой народ показывает себя способным противостоять ему»⁶².

В этих отношениях, принимая во внимание позиции Малатесты, всегда существует конфликт – будь он скрытым или открытым. И там где правительственные силы сталкиваются с народными, и проходит предел ее возможностей. Когда Малатеста указывает, что пределом угнетения со стороны правительства является сила, которую народ имеет возможность ему противопоставить, он подкрепляет ранее высказанную идею о том, что определенная социальная реальность – в данном случае угнетение правительства над трудящимися – всегда соответствует определенному положению различных сил, участвующих в игре (то есть в данном случае конфликту, в котором главную роль играют социальные силы, накопленные и организованные правительством и трудящимися). Угнетение со стороны правительства будет тем сильнее, чем большей социальной силой оно сможет воспользоваться в этом конфликте; сопротивление трудящихся – через социальную силу, которая вступает в этот конфликт, – устанавливает пределы угнетения и способно даже изменить сами условия этих отношений, вплоть до того, чтобы покончить с угнетением.

Понимание общества как этой динамичной и конфликтной совокупности различных социальных сил подразумевает для Малатесты отказ от (телеологического) эволюционизма, который также пользовался значительным влиянием в XIX веке среди социалистов в целом: *«Нет никакого природного закона, который заставлял бы эволюцию двигаться в прогрессивном, а не в регрессивном направлении: в природе есть как прогресс, так и регресс»⁶³*. То есть, как отмечалось ранее, нельзя считать, будто существует определенный финал, к которому общество предположительно и с необходимостью движется; социальный анализ, следовательно, не может предполагать наличие какого-то необходимого вида прогресса или эволюции, ведущих к заранее известной цели (*telos*). Соотношение сил в обществе изменяется постоянно и, согласно определенным ценностям, может быть расценено как прогресс или регресс. Таким образом, из социального анализа устраняется любая телеология или даже предположения о прогрессе или эволюции, присущих социальному развитию. Эти позиции проявляются в утверждении Малатесты о том, что капитализм

⁶² Его же, «Анархистская программа», «4. Политическая борьба».

⁶³ Цитата принадлежит Луиджи Фаббри, который пересказывал мысли Малатесты. *Malatesta, l'uomo e il pensiero*, с. 49, 1951.

и современное государство не разрушаются сами по себе и что социализм не является исторической необходимостью, порождаемой автоматически и обязательно противоречиями самой капиталистической/государственной системы⁶⁴.

В согласии с его позицией относительно взаимозависимости сфер находится и его концепция взаимоотношений между социальной структурой и человеческим действием/агентностью. Малатеста выступает против структуралистских и механистических подходов, которые не оставляют места для человеческой воли и согласно которым:

«[...] Воля (сила творческая, источник и природу которой мы не можем понять, как не понимаем природу и источник «материи» или любого из других «первоначал») – как я говорил, Воля, которая внесла больший или меньший вклад в определение поведения индивидов и общества, не существует и является чистой иллюзией. Всё, что было, есть и будет [по мнению фаталистов], – от пути звёзд до рождения и упадка цивилизации, от аромата розы до улыбки на устах матери, от землетрясения до мыслей Ньютона, от жестокости тирана до доброты святого, – всё, что имеет, должно и хочет произойти, есть результат неизбежной последовательности причин и следствий механического происхождения, не оставляющей никакой возможности для вариаций. Иллюзия Воли сама по себе есть механический факт»⁶⁵.

В таком взгляде человеческое действие было бы полностью обусловлено социальной структурой; судьба общества была бы определена заранее, а любое вольное действие было бы не более чем иллюзией – согласно приведенному Малатестой примеру Спинозы о падающем камне, который падая, «сознавал своё падение и верил, что падает, потому что хочет падать»⁶⁶.

Для Малатесты, напротив, воля и человеческое действие обладают значительным потенциалом, который может повлиять на формирование общества: «история сотворена людьми»⁶⁷, – утверждает он. И основой человеческого действия является воля: «нужно допустить творческую силу, первопричину или первопричины, независимые от физического мира и от механических законов, – и эта сила есть то, что мы называем волей»⁶⁸. Будучи фундаментальным элементом культурной/идеологической сферы, воля побуждает к человеческому действию и может поддерживать процессы социальных изменений и преобразований. Она может испытывать – и обычно испытывает – влияние со стороны господствующих гегемонистских взглядов (экономических, политических и так далее), но она не детерминирована ими

⁶⁴ Малатеста («Вопрос честности. Мы и социалисты») подчеркивает в этой связи: «Мы революционеры, потому что верим, что только революция, революция насильственная, может разрешить социальный вопрос. [...] Мы верим, кроме того, что революция есть акт воли – воли индивидов и воли масс; что для успеха ей нужны определённые объективные условия, но что она не приходит необходимо, фатально в силу одних лишь экономических и политических факторов».

⁶⁵ Его же, «Петр Кропоткин: воспоминания и критика одного старого друга».

⁶⁶ Его же, «Еще о «Науке и Анархии. Необходимость и Свобода».

⁶⁷ Его же, «Небольшая теория».

⁶⁸ Его же, «Еще о «Науке и Анархии». Необходимость и Свобода».

полностью; существует пространство для сознания и для действий, направленных на изменения и социальные преобразования⁶⁹.

Такие идеи приводили к тому, что Малатесту неоднократно обвиняли в полном волюнтаризме, в том, что он «идеалист» в смысле идеи социальных преобразований, основанных исключительно на изменении сознания. Однако эти утверждения кажутся ошибочными. Хотя он признает значимость культурной/идеологической сферы в целом как в господстве, так и в освобождении, и хотя он отстаивает, что в них воля является центральным элементом, Малатеста признает ее пределы: *«Конечно, эта воля не всемогуща, поскольку она обусловлена»*⁷⁰. Преобразования зависят не только от воли, но и от установленных структурных ограничений, существующих не только в культурной/идеологической и политической/юридической/военной сферах, но главным образом в экономической сфере: *«всякий анархист, всякий социалист понимает экономические фатальности, которые сегодня вынуждают человека бороться против человека; и он видит, как хороший наблюдатель, бессилие личного бунта против преобладающей силы социальной среды»*⁷¹. Тем не менее, он отмечает, что *«столь же верно и то, что без бунта индивида, объединяющегося с другими бунтующими индивидами, чтобы противостоять среде и стремиться ее преобразовать, эта среда никогда не изменится»*⁷². Человеческое действие, следовательно, в значительной степени объясняет социальные изменения и трансформации.

Позиции Малатесты предлагают согласование человеческого действия и социальной структуры⁷³. Они подкрепляют как его социальный анализ, так и его революционные стратегии⁷⁴.

⁶⁹ Бакунин («Философские рассуждения о божественном призраке...», «2. Человек – Разум, Воля») определяет волю как «способность вступать в пользу одной или нескольких движущих сил, которые действуют в нём [в человеке] в определённом направлении против других также внутренних и определённых движущих сил»; для автора воля и ум не представляют собой «способности совершенно автономные, независимые от материального мира», но «силы, независимость которых исключительно относительна». Хотя он оставляет воле, по всей видимости, меньше способности преобразовывать в силу ее материальной/структурной детерминированности, можно сказать, что между этой позицией Бакунина и позицией Малатесты есть определенная преемственность.

⁷⁰ Малатеста, «Воля (Еще раз к теме «Наука и Социальные преобразования»)».

⁷¹ Его же, «Ошибки и средства их исправления»

⁷² Там же.

⁷³ То есть, не «всё зависит от воли», но и не «всё предопределено структурами». Скорее общество задает условия и ограничения, формирует волю людей, а затем эта воля влияет на общество.

⁷⁴ Как уже отмечалось, Малатеста («Вопрос честности. Мы и социалисты») утверждает, что для того чтобы революция произошла, необходимы «определенные объективные условия», поскольку «она не приходит необходимо, фатально в силу одних лишь экономических и политических факторов». Он продвигается в этом объяснении. Революция не происходит из-за системных структурных детерминированностей, но нуждается в человеческом, сознательном и добровольном действии. И это человеческое действие не должно изыскиваться только в области образования и пропаганды. Малатеста (заметка Малатесты к статье «Учредительное собрание и Диктатура» Гаэтано Марино), безусловно, защищает и то, и другое; в отношении пропаганды он утверждает: мы ведем пропаганду «чтобы поднять моральный уровень масс и побудить массы самим завоевать своё освобождение»; об образовании он заявляет («"Правительство" и не правительство»): «речь идет, словом, о том, чтобы воспитывать в свободе, поднимать людей, привыкших к покорности и пассивности, к осознанию собственной силы и собственных способностей». Автор также квалифицировался, по всей видимости, ошибочно, как «эдукационист» (образователь, просветитель) — пропагандист, который заменил бы массовую борьбу пропагандой и образованием, то есть борьбой в поле сознания. В этой связи он возражает: «мы бы обманывали

Применяя эти представления к анализу современного, капиталистического и государственнического общества, Малатеста замечает, что фундаментальным аспектом этого общества является то, что оно характеризуется господством во всех трех сферах. В экономической сфере Малатеста указывает на эксплуатацию, воплощаемую в наемном труде: *«Угнетение, которое сегодня наиболее непосредственно затрагивает рабочих [...] – это экономическое угнетение, то есть эксплуатация, где начальники и бизнесмены подавляют их благодаря монополии на все важнейшие средства производства и распределения»*⁷⁵. В политической/юридической/военной сфере Малатеста отмечает политико-бюрократическое господство и принуждение, осуществляемые государством, благодаря которому у народа отнимается *«управление своими собственными делами, управление своим собственным поведением, забота о своей собственной безопасности»*, вверяя их *«нескольким лицам, которые или посредством узурпации или делегации облечены правами составлять законы на всё и для всех, принуждая народ принаравливаться к ним, пользуясь при этом силою всех»*⁷⁶. В культурной/идеологической сфере он критикует культурное отчуждение, формируемое религией, образованием и такими чувствами, как патриотизм, которые укрепляют и оправдывают интересы господствующих сил: помимо экономического и политического угнетения, подчеркивает он, можно *«подавлять людей, воздействуя на их ум и чувства, что составляет религиозную, или университетскую, власть»*⁷⁷; *«Правительства и правящие классы используют патриотическое чувство [...], чтобы народ лучше принимал их власть и чтобы втягивать народ в войны и колониальные предприятия, делаемые для их, правящих классов, исключительной выгоды»*⁷⁸. Как отмечалось ранее, для автора эти различные типы господства взаимосвязаны, влияют друг на друга и поддерживают друг друга, основывая рассматриваемую систему господства на взаимозависимости ее сфер.

В этом обществе, характеризующемся конфликтами и динамичными силами, находящимися в игре, социальные классы, даже если они не объясняют всё, являются очень важными. Для Малатесты нельзя считать *априори*, что во всех социальных конфликтах, составляющих общество, социальные классы обязательно представляют собой наиболее важную категорию для объяснения или даже наиболее адекватную; однако во многих случаях это так. То есть для автора речь идет о том, чтобы считать социальные конфликты наиболее важным аспектом общества и подчеркивать, что

себя, думая, что пропаганды достаточно для поднятия их [народа] на тот уровень интеллектуального развития, необходимый для воплощения наших идей в жизнь» (*«Анархистская программа»*, 2. Пути и средства). Он также утверждает, что *«образователи, с другой стороны, верили и до сих пор верят, что распространением образования, проповедью свободной мысли, позитивной науки и так далее, основанием народных университетов и современных школ можно разрушить в массах религиозный предрассудок, моральную подчиненность государственному господству, веру в священные права собственности. [...] образователи должны же видеть, сколь бессильны их великодушные усилия, [...] не следует обольщаться, пока сохраняются нынешние экономические и политические условия, надеждой на то, что можно заметно поднять сознательность масс и преобразовать среду так, чтобы сделать её пригодной для осуществления наших идеалов»* (*«Восстание или эволюционизм?»*). В этих его позициях также очевиден поиск примирения человеческого действия и социальной структуры.

⁷⁵ Его же, *«Анархистская программа»*.

⁷⁶ Его же *«Анархия»*.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Его же, *«Наша внешняя политика. Война и Мир»*.

во многих случаях социальные классы являются первостепенными действующими силами в этих конфликтах, хотя классовые конфликты не следует трактовать редукционистски, ожидая, что из них можно будет вывести все объяснения других конфликтов.

Тем не менее, следует указать, что, в соответствии с представлением о взаимозависимости сфер, социальные классы, с точки зрения Малатесты, не являются исключительно экономической категорией:

«Так, шаг за шагом, через сложнейшую череду борьбы всех видов, нашествий, войн, восстаний, репрессий, уступок, завоеванных борьбой, союзов угнетенных для защиты и завоевателей для нападения, мы пришли к нынешнему состоянию общества, в котором одни унаследовали землю и все общественное богатство, а масса народа, лишенная наследства во всех отношениях, эксплуатируется и угнетается небольшим классом собственников.

Из всего вышесказанного проистекает та нищета, в которой живет сегодняя большинство трудящихся, и которая, в свою очередь, порождает такие пороки, как невежество, преступность, проституция, болезни, вызванные недоеданием, депрессия и преждевременная смерть. Из всего этого возникает особый класс (правительство), снабженный необходимыми средствами подавления, существующий для легализации и защиты класса собственников от требований рабочих; затем он использует имеющиеся в его распоряжении полномочия [то есть силу], чтобы создать привилегии для себя и подчинить, если сможет, и сам класс собственников. Отсюда – создание другого привилегированного класса (духовенства), которое с помощью ряда басен о воле Божьей, о загробной жизни и так далее пытается убедить угнетенных смиренно принять гнет, и (так же как и правительство), служа интересам класса собственников, служит своим собственным»⁷⁹.

Для Малатесты критерии, используемые для установления социальных классов, включают собственность на средства производства и экономическую эксплуатацию, но не сводятся к ним; владение средствами управления, принуждения, контроля и знания – а значит, политико-бюрократическое господство, принуждение и культурное отчуждение – также являются фундаментальными критериями⁸⁰. Именно

⁷⁹ Его же, «Анархистская программа», «1. Цели и задачи».

⁸⁰ В этой позиции есть очевидное сходство с концепцией Эррандонеа («Социология Господства», Часть 1, глава V, «5. Структура классов»), который на основе связки между Марксом и Вебером, дополненных вкладом либертарных авторов, приходит к схожим позициям, предлагая обосновать определение социальных классов категорией господства. Для него господство — это «базовый фундамент классовых отношений; следовательно, фундамент формирования социальных классов и самой классовой структуры, в которой они имеют место». Социальные классы полностью связаны с социальной асимметрией, неравенством, когда оно имеет структурную, устойчивую и стабильную форму. Социальные классы — это «объединения людей, относительно однородными между собой» (Там же, «5.1 Описательное определение социального класса») по аспектам, атрибутам или элементам, неравномерно распределенным в определенном обществе, объединенные сходствами, которые касаются социальных неравенств. Понятый таким образом, «понятие класса относительно существованию других классов. Общество принимает структуру социальных классов в том, что касается распределения того, что в нём

по этой причине он включает в состав господствующих классов не только собственников (буржуазию), но также правительство и духовенство. В число подчиненных классов он включает не только наемных рабочих городских предприятий, но и трудящихся других городских секторов экономики, сельских тружеников, крестьян и бедняков в целом. Эти два больших объединения, угнетенные и угнетатели, господствующие классы и подчиненные, классы-угнетатели и классы-угнетенные, ведут перманентную классовую борьбу в обществе. Классовая борьба составляет, согласно ранее изложенным позициям, одну из наиболее актуальных черт современных обществ, хотя, как тоже отмечалось, невозможно свести все социальные конфликты к конфликтам между классами.

Для Малатесты «совокупность людей, населяющих территорию, разделён на различные классы, имеющие противоположные интересы и чувства, антагонизм которых растёт по мере того, как в подчинённых классах развивается сознание несправедливости, жертвами которой они являются»⁸¹. Между широкими группами господствующих и подчиненных классов, которые охватывают всю совокупность конкретных социальных классов каждого контекста, существует постоянный антагонизм, и чем сильнее развивается классовое сознание, тем очевиднее становится этот конфликт. Классовое сознание для Малатесты является фундаментальным элементом классовой борьбы; оно усиливает преобразующие процессы: «борьба каждого за себя становится классовой борьбой», – говорит он, – «когда высшая мораль, идеал справедливости и более глубокое понимание преимуществ, которые солидарность может принести каждому индивиду, братает всех тех, кто находится в аналогичном положении»⁸². Таким образом, культурные/идеологические элементы добавляются к экономическим и политическим, открывая пространство для классовой борьбы, которая разворачивается во всех трех сферах.

Процессы изменений и социальных преобразований в малатестовском взгляде – то есть в анархистском и классовом – зависят от социальных сил, которые эти группы смогут использовать в социальных конфликтах. В случае краткосрочных изменений – например, в экономической сфере – Малатеста утверждает, что «Заработная плата, продолжительность рабочего дня и другие условия труда являются результатом борьбы между начальством и рабочими»⁸³. Чтобы угнетенные могли продвинуться

неравно. Разумеется, мы имеем в виду не исключительно блага и материальные ресурсы. Мы, конечно, ссылаемся и на них; и не только в количественном, но и в качественном отношении (не только сколько, но и какие виды благ; не только размер вознаграждения или дохода, но и на каком основании, за какой вид труда или услуги, когда речь идёт о зарплате; и так далее). Но круг этих элементов шире. Всё, что распределяется неравно: различный доступ или различная подверженность принуждению, политическая власть, социальный престиж и так далее (также здесь в количественном и качественном отношении)». Социальные классы связаны со всем, что распределяется в обществе неравномерно, и с совпадениями в отношении различных асимметрий между людьми. В отношении различных элементов существуют «привилегированные и обездоленные» в своей совокупности, при этом могут быть более или менее промежуточные ситуации. Так называемые «неустойчивые неравенства» и «ситуативные неравенства» не определяют социальные классы; речь идет о «неравенствах последовательных, устойчивых, институционализированных, резистентных. Таким образом, что одни неравенства подкрепляют другие: [тогда] они действительно структурны».

⁸¹ Его же, «Мы и Республиканцы».

⁸² Его же, «Экономическая борьба и солидарность».

⁸³ Его же, «Анархистская программа», «3. Экономическая борьба».

вперед по отношению к угнетателям в борьбе за повышение заработной платы и/или сокращение рабочего дня, они должны в конфликтах суметь навязать свои интересы. В случае более масштабных, революционных преобразований речь идет, с точки зрения автора, о процессе, который изменяет социальные отношения во всех трех сферах, положила конец господству в целом, а также самим социальным классам:

«Таким образом, мы стремимся к полному уничтожению господства и эксплуатации человека человеком; [...] мы хотим, чтобы общество было построено с целью обеспечения каждого средствами для достижения максимального благополучия, максимально возможного морального и духовного развития; [...] Следовательно: экспроприация землевладельцев и капиталистов на благо всех; и упразднение правительства»⁸⁴.

В стратегическом плане речь идет о содействии этим социальным преобразованиям посредством насильственной революции и последующего обобществления трех социальных сфер.

Фундаментальные категории и понятия

В дидактических целях систематизируем фундаментальные категории и понятия социального анализа, которые обсуждались выше.

Социализация (обобществление). Существует неразрывная связь и отношения взаимозависимости между индивидом и обществом; они влияют друг на друга и взаимно формируют друг друга. Человеческое действие вовлекает индивида и общество и связывает каждого и всех.

Взаимозависимость сфер. Социальная сфера характеризуется взаимозависимостью экономической, политической/юридической/военной, культурной/идеологической сфер; между ними нет заранее предписанных отношений детерминированности, все они взаимно влияют друг на друга, формируя единое целое. Даже при отказе от метафизического или теологического идеализма преодолевается раскол между материализмом и идеализмом, поскольку факты и идеи также рассматриваются в этой перспективе взаимозависимости и целостности. Современное общество объясняется через отношение взаимозависимости господства во всех трех сферах: эксплуатация, политико-бюрократическое господство, принуждение и культурное отчуждение, формирующие системную целостность господства.

Конфликты и социальные силы. Общество характеризуется властными отношениями, устанавливаемыми конфликтами между различными социальными силами. Эти силы формируются классами, группами и индивидами и находятся в постоянной динамичной игре. Отвергаются телеологический эволюционизм и функционализм, и признается, что формирование различных социальных сил выходит за рамки «грубой силы» (принуждения) и охватывает элементы трех сфер, объективные и субъективные. Как правило, конфликты и социальные силы имеют классовую основу.

⁸⁴ Там же, «5. Заключение».

Человеческое действие и социальная структура. История делается мужчинами и женщинами, и основой их действий является воля; однако эта воля имеет пределы. Примиряются, согласуются человеческое действие и социальная структура, исходя из того, что именно человеческое действие формирует общество, хотя это действие имеет структурные ограничения; таким образом, отвергаются крайние формы структурализма, механицизма и волюнтаризма.

Социальные классы. Хотя они не объясняют все социальные конфликты, они имеют центральное значение и определяются в соответствии со взаимозависимостью сфер, на основе собственности на средства производства, управления, принуждения, контроля и знания. Экономическая эксплуатация, политико-бюрократическое господство, принуждение и культурное отчуждение формируют группы господствующих классов (собственники, правительство, духовенство) и угнетенных классов (рабочие, крестьяне и бедняки), которые находятся в перманентном конфликте (классовая борьба).

Вклад Малатесты

В качестве заключения можно вновь подтвердить, что Малатеста – в своих размышлениях об эпистемологии, методе анализа и социальной теории – предлагает идеи, которые и сегодня обладают способностью служить основой для формирования аналитического инструментария для понимания и объяснения современного общества.

В своих эпистемологических размышлениях автор предлагает разграничивать категории науки и доктрины/идеологии, стремясь тем самым усилить как анализ реальности, так и вмешательство в неё, совмещая теорию и практику. Он также формулирует идею о разграничении естественных и социальных наук, и определяет ту установку, которую предлагает использовать для познания социальной реальности: приоритет открытости к методам и теориям и признание того, что знание, возникающее в этой сфере, всегда частично и фрагментарно. Выделяется также его размышление о связи между наукой и властью и необходимости того, чтобы в справедливом и эгалитарном обществе наука, как и другие виды власти, была обобществлена.

Малатеста также внес важный теоретико-методологический вклад в социальный анализ. В нём выделяются: критика телеологического эволюционизма, фатализма и детерминизма; критика анализа, основанного на метафизике и теологии; понимание обобществления как процесса взаимозависимых отношений между индивидом и обществом; попытка совместить три социальные сферы в социальном анализе с точки зрения взаимозависимости, предлагая отказ от дихотомии материализм-идеализм и согласовывая социальную структуру и человеческое действие; описание общества как динамического результата конфликтов между социальными силами, указывающая на многопричинное понимание социальных явлений; описание современного общества как системы господства в трёх сферах, где социальные классы являются одной из его фундаментальных черт, которые также определяются в соответствии с понятием взаимозависимости сфер.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм



Филипе Корреа
Эпистемологии, аналитический метод и социальная теория Малатесты
8 апреля 2014

<https://itha-iath.org/felipe-correa-epistemologia-metodo-de-analise-e-teoria-social-em-malatesta/>

ru.anarchistlibraries.net